

АТР КАК АВАНСЦЕНА СОПЕРНИЧЕСТВА КИТАЯ И США В XXI ВЕКЕ

Я.В. ЛЕКСЮТИНА

Доктор политических наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: американо-китайское соперничество, АТР, США, Китай, безопасность в АТР, Транс-Тихоокеанское партнерство

Большие изменения претерпевает в XXI в. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Происходят смены не только политических элит, но и сдвиги во внутривнутриполитической жизни стран региона (например, демократические преобразования в Мьянме). Стремительно укрепляется экономическая мощь ряда государств, набирают обороты интеграционные процессы в экономике, причем как на двусторонней основе в виде соглашений о свободной торговле, так и в форме создания обширных региональных торгово-экономических блоков.

В то же время получают развитие и некоторые тревожные тенденции, такие как обострение территориальных споров на море и на суше, милитаризация региона, гонка вооружений. При этом одним из важнейших факторов, оказывающим влияние на происходящие в регионе изменения, стало усиление экономической и, в целом, национальной мощи Китая, растущая заинтересованность китайского руководства в расширении присутствия в своем ближнем окружении, а по мере увеличения своих операционных возможностей - и в других, более удаленных регионах мира [1].

Вторым таким фактором стало принятое в 2011 г. решение администрации Б.Обамы о «повороте к Азии», осуществляемое с опорой на традиционные военно-политические инструменты.

Обновленная американская стратегия «сдерживания Китая» охватывает четыре направления. Первое - возрождение созданного в 1951 г. военного союза АНЗЮС (США, Австралия и Новая Зеландия). В ноябре 2010 г. президент Б.Обама подписал Веллинг-

тонскую декларацию с Новой Зеландией и Сиднейское соглашение с Австралией о расширении военного партнерства.

Второе - выстраивание системы нового присутствия в Индокитае. В июле 2011 г. Конгресс США официально поддержал Вьетнам в его конфликте с КНР в Южно-Китайском море. Вслед за этим летом 2012 г. Вьетнам посетил министр обороны США Л.Панетта, и стороны заговорили о возможности взаимодействия в военной сфере.

Третье направление - расширение военного партнерства с Индией. Четвертое - выстраивание Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП), направленного на укрепление геоэкономических позиций США в регионе на фоне вызова со стороны Китая, усиливающего свое экономическое влияние в АТР и стремящегося занять центральное место в региональных интеграционных процессах.

Все вместе взятое вызывает нарастание американо-китайского регионального соперничества.

Первые симптомы роста противоречий можно увидеть в во-

влечении Соединенных Штатов в территориальные споры КНР с государствами АСЕАН в Южно-Китайском море. Таким образом, АТР становится не только центром развития глобальной экономики, мировой торговли и политики, но и авансценой стратегического соперничества великих держав.

Сложившиеся на рубеже XX-XXI вв. условия благоприятствовали Пекину в укреплении его дипломатических и экономических позиций в Восточной Азии.

Во-первых, Китай аккумулировал достаточную экономическую мощь для проецирования своего влияния посредством развития торговли, вложения обширных инвестиций и оказания помощи развитию стран региона.

Во-вторых, после азиатского финансово-экономического кризиса 1997-1998 гг., в преодолении последствий которого Пекин сыграл важнейшую роль, существенно укрепился авторитет Китая в регионе. Восприятие Китая как угрозы, которое гипотетически могло бы препятствовать развитию контактов Пекина с восточ-

ноазиатскими странами, постепенно стало угасать. И, наконец, возникшая после завершения холодной войны ситуация «вакуума силы» в АТР открывала Китаю широкие возможности по его заполнению.

После окончания биполярного противостояния США и Советского Союза интерес к региону со стороны единственной сверхдержавы мира - США - ослаб. Вследствие событий 11 сентября 2001 г. одной из центральных задач Вашингтона стало противодействие международному терроризму, и региональным приоритетом в американской внешней политике на следующее десятилетие стал Ближний Восток. В какой-то степени произошло самоустранение США от активного участия в делах АТР, что позволило Пекину на протяжении более чем 10 лет практически беспрепятственно укреплять там свои позиции.

Расширяющийся масштаб экономических, дипломатических, культурных и иных связей Китая со странами АТР, безусловно, усиливал влияние Пекина на развитие событий в этом регионе, подрывал претензии Вашингтона на руководящую роль в АТР.

Ввиду происходящих изменений в АТР, его выхода на передовые позиции в мировой экономике и политике, руководство США стало тесно увязывать магистральную внешнеполитическую задачу сохранения за США глобального лидерства с поддержанием их доминирующих позиций в этом регионе.

Осознание Вашингтоном необходимости возвращения своих утраченных позиций в этой части мира и недопущения становления Китая в качестве регионального лидера произошло в последние годы пребывания Дж. Буша-мл. на посту президента и в полной мере было отражено во внешнеполитической стратегии уже при администрации Б.Обамы.

Широко анонсированное в 2011 г. смещение геополитического фокуса США в АТР, извест-

ное, как «поворот к Азии» (*pivot to Asia*), или «ребалансирование в сторону АТР» (*rebalancing to the Asia Pacific*), предполагало укрепление системы военно-политических союзов со странами региона (с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Таиландом и Австралией), усиление и формирование новых партнерских отношений с другими ключевыми государствами (с Вьетнамом, Малайзией, Индонезией, Индией и Сингапуром), участие в многосторонних форматах взаимодействия (в особенности интенсификацию контактов с АСЕАН), расширение торговли и инвестиций, а также распространение принципов демократии и прав человека (с акцентом на Мьянму и Вьетнам) [2].

Китай рассматривает регион Восточной Азии в качестве своей естественной сферы влияния, любые изменения в котором непосредственно воздействуют на национальную безопасность страны. Все чаще звучащие из уст официальных лиц США заявления о том, что «XXI в. станет Тихоокеанским веком Америки» [3] не могут не вызывать настороженности китайского руководства.

Хотя американско-китайские отношения на официальном уровне характеризуются высшими руководителями двух стран как «партнерские в духе сотрудничества» (*cooperative partnership*) [4], в действительности отмечены наличием ряда противоречий. В их основе лежат принципиальные различия политических режимов, идеологий, систем ценностей и моделей экономического развития двух стран, их диспозиция как сверхдержавы одной и потенциальной сверхдержавы другой.

Сохраняющееся между Китаем и США восприятие двусторонних отношений через призму «игры с нулевой суммой»* обус-

ловливает довольно сильное американско-китайское соперничество в АТР. На современном этапе оно развивается по двум основным векторам: соперничество за приоритет модели интеграционных экономических процессов в регионе и военно-политическое соперничество.

ПРОТИВОБОРСТВО ЗА ПРИОРИТЕТ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Первый вектор американско-китайского соперничества, принимающий «мягкие», несиловые формы и потенциально не таящий в себе угрозу дестабилизации ситуации в АТР и, в общем и целом, отвечающий интересам развития региона, - это соперничество за приоритет модели экономической интеграции в АТР. Ввиду динамично развивающихся процессов региональной экономической интеграции важными мероприятиями по расширению регионального влияния для каждой из стран - США и Китая - стали направление интеграционных процессов в выгодное для них русло. Каждая сторона стремится играть руководящую роль в формировании новой экономической архитектуры АТР и в создании региональной системы правил в сфере торговли и инвестиционной деятельности.

На сегодняшний день АТР занимает лидерские позиции в мире как регион, где заключено наибольшее количество соглашений о свободной торговле. Азиатские страны сравнительно поздно стали использовать такого рода соглашения в качестве инструмента своей торговой политики. Тем не менее, число соглашений с 2000 г. по апрель 2013 г. увеличилось с 3 до рекордных 76 [5]. Более того, на протяжении продолжительного времени в регионе ведется уси-

* Игра с нулевой суммой (*zero sum game*) - термин из книги «Теория игр и экономическое поведение» (1944), написанной двумя авторами - Дж. фон Нейманом (1903-1957) и О. Моргенштерном (1902-1977). Так авторы книги называли любую «игру» (включая экономическое и военное соперничество), в которой выигрыш одного «игрока» равен проигрышу другого. В годы соперничества СССР и США политологи обычно так описывали характер и логику их взаимоотношений. Например, гонку вооружений (*прим. ред.*).

ленная работа над созданием обширного регионального торгового соглашения о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), наподобие общих рынков ЕС или Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА, *North American Free Trade Agreement, NAFTA*). На момент активизации политики США в АТР в 2008-2009 гг. наиболее известными и обсуждаемыми проектами были ЗСТ АСЕАН+3 и АСЕАН+6, обе исключавшие участие США.

В этой связи, чтобы не оказаться на вторых ролях в обретающем новые очертания экономическом пространстве АТР, Вашингтон приступил к формированию собственного интеграционного объединения, где ему отводилась бы руководящая роль. Внимание Вашингтона привлекло созданное Брунеем, Новой Зеландией, Сингапуром и Чили в 2005 г. Транс-Тихоокеанское стратегическое экономическое партнерство, на основе которого США намеревались заключить новое всеобъемлющее региональное торговое соглашение, предполагающее создание зоны свободной торговли - Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП, *Trans-Pacific Partnership, TPP*).

Начало переговоров о ТТП было положено заявлением Б.Обамы в 2010 г. на встрече лидеров АТЭС в Йогогаме. Поддержав инициативу США, в переговоры о присоединении к этому объединению тогда вступили Австралия, Малайзия, Перу и Вьетнам. В ноябре 2011 г., в ходе встреч лидеров стран АТЭС в Гонлулу, Вашингтон снова поднял этот вопрос и акцентированно указал на перспективность создаваемой зоны свободной торговли [6]. Выдвижение идеи создания ТТП стало символом дипломатического и экономического возвращения США в регион.

На текущей, завершающей стадии переговоров о создании ТТП его участниками выступают 12 государств (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу,

Сингапур, США, Чили и Япония) с населением порядка 796 млн человек (около 11% мирового населения) и общим ВВП в размере \$27,53 трлн, что составляет 38,3% мирового ВВП [7].

ТТП, позиционируемое Вашингтоном как «соглашение XXI в.», предполагает всестороннюю глубокую либерализацию торговли и инвестиционной деятельности и устанавливает весьма высокие стандарты в вопросах деятельности государственных предприятий, госзакупок, правовых стандартов трудовых отношений, защиты окружающей среды, защиты прав интеллектуальной собственности, прав инвесторов и пр.

Выдвигаемые Вашингтоном требования к странам-участникам будущего партнерства носят настолько высокий характер, что на сегодняшний день в совокупности они не были воплощены ни в одном функционирующем торговом объединении. Это, а также более чем существенные различия в уровне экономического и социального развития 12 стран ставят под сомнение успешность реализации инициативы Вашингтона. Даже такая передовая рыночная экономика, как Япония, длительное время не решалась вступить в переговоры по ТТП. Анонсированное 15 марта 2013 г. премьер-министром Японии Синдзо Абэ решение о подключении к переговорам было продиктовано не потенциальными экономическими выгодами от участия в создаваемом объединении, а стремлением укрепить отношения с США на фоне обострившихся территориальных споров с Китаем.

Продвигаемая Вашингтоном идея ТТП представляет собой конкуренцию данной модели с другой моделью региональной интеграции, отвечающей интересам Китая, - Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП), предполагающему создание зоны свободной торговли в формате АСЕАН+6. Переговоры о создании асеаноцентричного интеграцион-

ного объединения велись лидерами восточноазиатских государств уже давно, задолго до планов Вашингтона создать ТТП.

На официальном уровне идея создать ВРЭП была озвучена в ноябре 2011 г. в ходе 19-го саммита АСЕАН и уже на следующем саммите в Пномпене 20 ноября 2012 г. было объявлено о начале переговоров. Прошли несколько раундов переговоров: в мае 2013 г. в Брунее, в сентябре 2013 г. в Брисбене (Австралия), в январе 2014 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия) и в марте-апреле 2014 г. в Наньшине (КНР). Завершение переговоров по созданию нового соглашения запланировано на конец 2015 г. [8].

Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство включает 10 стран АСЕАН и шесть асеановских партнеров по соглашениям о свободной торговле - Австралию, Индию, Китай, Новую Зеландию, Южную Корею и Японию. Численность населения этой группы стран составляет свыше 3,4 млрд человек (более 48% мирового населения), а совокупный ВВП - \$21,23 трлн, что эквивалентно 29,5% мирового ВВП [9]. Требования, предъявляемые к странам-участникам соглашения, существенно ниже, чем в случае с ТТП, что делает ВРЭП более экономически привлекательным для целого ряда восточноазиатских государств, не готовых к глубокой либерализации торговли.

Таким образом, в АТР развитие получили две альтернативные модели региональной экономической интеграции: Транс-Тихоокеанское партнерство и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство. Теоретически эти два объединения могут существовать параллельно, участие какого-либо государства в одном из них не исключает возможность членства в другом. Так, Австралия, Вьетнам, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур и Япония участвуют в переговорах о создании как ТТП, так и ВРЭП. Однако нельзя исключать вероятность развития интеграцион-

ных процессов в АТР по одному из этих двух сценариев, что приведет к существенному укреплению региональных позиций одного из государств в ущерб интересов другого - либо США, либо Китая.

У большинства экспертов не вызывает сомнения доминирующая роль США в ТТП, куда, несмотря на формальную открытость этого объединения, вторая экономика мира - Китай вряд ли будет входить из-за особенностей предъявляемых критериев. Доля США в общем ВВП 12 стран, ведущих переговоры о ТТП, составляет около 57% [10].

Что же касается Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, то здесь главную роль будет играть Китай, на который приходится около 39% ВВП входящих в это объединение 16 стран [11]. По мнению экспертов, входящие во ВРЭП Япония и Индия «вряд ли смогут уравновесить китайскую мощь» [12].

Крайне неблагоприятные последствия для Пекина может иметь успех ТТП. В таком случае Пекину придется либо принять традиционные требования Вашингтона относительно ревалюации национальной китайской валюты, защиты прав интеллектуальной собственности и пр., либо оказаться в потенциально невыгодном положении стороны, исключенной из преференциальной торговой зоны, что приведет к определенным потерям Китая. Развитие интеграционных процессов по американскому сценарию создаст ситуацию, когда Китаю придется функционировать в системе (в данном случае речь идет о региональной системе), которая создавалась без его участия на формулируемых США условиях.

В Пекине прекрасно осознают, что сейчас, когда интеграционные процессы в АТР находятся только на начальном этапе своего развития, у Китая есть уникальная возможность, «исторический шанс» стать у истоков формирования региональной экономической архитектуры, от-

вечающей его интересам. Для Вашингтона развитие интеграции под эгидой Китая чревато утратой лидерских позиций в регионе. По существу, в АТР сейчас развернулась борьба за право формулировать новые правила игры и создавать институты, на основе которых будет базироваться будущая региональная экономическая система.

За созданием новых интеграционных объединений, помимо задачи закрепления своих главенствующих ролей в протекающих в АТР интеграционных процессах, кроются также практические интересы США и Китая по стимулированию двусторонней торговли со странами региона. Особенно это актуально для Вашингтона в свете того, что в последние годы экономические позиции США в регионе существенно пошатнулись. К 2013 г. Китай прочно занял место крупнейшего торгового партнера АСЕАН, в целом, и многих стран АТР в отдельности, в т.ч. Японии, Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Индии, Мьянмы, Монголии и Северной Кореи.

Однако создание ТТП способствовало бы как укреплению торгово-экономических связей США со странами региона, так и восстановлению американской экономики в целом через расширение доступа американских товаров на растущие азиатские рынки, увеличение американского экспорта, создание новых рабочих мест на предприятиях, ориентированных на экспорт.

СИТУАЦИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Вторым вектором американо-китайского противоборства в АТР выступает соперничество в военно-политической области. Несмотря на получившую широкое распространение в XXI в. концепцию «мягкой силы», в международных отношениях по-прежнему немаловажную роль продолжает играть военная мощь государства. Именно военное

присутствие в регионе рассматривается в Вашингтоне и Пекине в качестве необходимой меры по защите своих национальных интересов. Важную роль в этой связи играют развитие военно-политического сотрудничества со странами региона, обретение или сохранение союзников или близких партнеров.

Неудивительно, что последние несколько лет отмечены интенсификацией военно-политического сотрудничества двух конкурирующих держав - США и Китая - со странами АТР. Вашингтон стремится укрепить, а в случае с Таиландом и Филиппинами [13] - реанимировать свои традиционные двусторонние союзы и трехсторонние - США-Япония-Австралия, США-Япония-Южная Корея.

Наблюдаются попытки «перетягивания» на свою сторону ключевых государств региона. В центре политико-дипломатических усилий США и Китая оказались страны, которые нельзя однозначно отнести к сферам американского или китайского влияния: Вьетнам, Мьянма, Таиланд. Главным инструментарием Пекина по привлечению «на свою сторону» являются финансирование инфраструктурных проектов в регионе, предоставление щедрой помощи и, в целом, демонстрацией тех высоких экономических выгод, которые сулит развитие отношений с Китаем. Что же касается Вашингтона, то он обладает важным козырем: страны АТР встревожены растущей комплексной мощью своего непосредственного соседа - Китая и стремятся найти ей противовес.

В целях демонстрации непоколебимости своих лидерских позиций в АТР и оказания соответствующего психологического давления на китайское руководство, Вашингтон предпринял ряд символических шагов. Так, в ноябре 2011 г. США совместно с Филиппинами приняли Манильскую декларацию об усилении двустороннего сотрудничества в области обороны, призванную напомнить миру о нерушимости со-

юза между двумя странами [14]. Год спустя (2012 г.), между США и Таиландом было подписано заявление «Совместное видение американо-тайландского оборонного союза». Это был первый документ подобного рода за полвека существования союзнических отношений двух стран. В ноябре 2010 г. и в июне 2012 г. между США и Новой Зеландией были подписаны Веллингтонская и Вашингтонская декларации, открывшие новую страницу в развитии двустороннего военного сотрудничества, прерванного в середине 1980-х гг.

Одновременно Вашингтон приступил к наращиванию своего военного присутствия в регионе и, в первую очередь, военно-морских сил. В июне 2012 г. тогдашний министр обороны США Л.Панетта конкретизировал мероприятия в рамках курса «возвращения в Азию», указав, что к 2020 г. соотношение военных кораблей, базирующихся в Атлантическом и Тихом океанах, изменится с равного на соотношение 40 к 60. На Тихом океане предлагается разместить 6 из 10 действующих авианосцев США, большую часть американских крейсеров, эсминцев, боевых кораблей прибрежной зоны и подводных лодок [15]. Всего количество военных кораблей США, базирующихся на постоянной основе в АТР, должно увеличиться с 51 в 2014 г. до 58 в 2015 г. и, наконец, до 67 - к 2020 г. [16]

При этом планы Пентагона предусматривают не только количественное увеличение вооруженных сил в регионе, но и улучшение их качественных, технологических характеристик. Именно в АТР США намереваются размещать теперь наиболее передовые виды вооружений. Согласно планам американского военного командования, подводные лодки типа *Virginia* четвертого поколения будут направлены на Гуам, ударные истребители пятого поколения *F-22 Raptor* и *F-35* - на американские базы в Японии. К 2022 г. в Тихом океане будет дислоцировано 11 боевых кораблей

прибрежной зоны (4 - в Сингапуре, 7 - в Сасебо, Япония) [17].

О приоритетности задачи расширения американского военного присутствия в АТР в военно-стратегических расчетах США свидетельствует тот факт, что даже в условиях секвестра федерального бюджета, предполагающего существенное сокращение расходов на оборону [18], Вашингтон не отказался от своих планов. В июне 2013 г. в ходе «Диалога Шангри-Ла»* министр обороны США Ч.Хейгел подчеркнул, что финансовые трудности не отразятся на расширении военного присутствия США в Азии [19].

Пекин также наращивает свое военное присутствие в АТР, продолжает форсированно осуществлять военное строительство. Оборонный бюджет Китая продолжает расти: согласно официальным данным (которые, как утверждают западные источники, существенно занижаются), в 2014 г. он возрос на 12,2%, по сравнению с предшествующим годом, и составил порядка \$132 млрд [20]. Большое внимание уделяется Пекином укреплению военно-морского флота и увеличению масштабов военного присутствия в близлежащих морях. Это связано как с необходимостью отстаивать свои территориальные притязания в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, так и со стремлением расширить свои возможности по ведению операций в открытом море.

Осенью 2012 г. на XVIII съезде КПК был впервые публично анонсирован курс на становление Китая в качестве сильной морской державы. Завершено строительство на южном побережье острова Хайнань крупной китайской военно-морской базы Юй-

* Международный институт стратегических исследований (*International Institute for Strategic Studies, IISS*) ежегодно проводит азиатский саммит по безопасности, известный также как «Диалог Шангри-ла». В нем принимают участие министры обороны, представители других правительственных структур и ведущие эксперты всех стран АТР, а также ряда европейских государств (прим. ред.).

линь. На вооружение поставлен первый авианосец Китая (сентябрь 2012 г.), который был переоборудован на основе купленного у Украины советского авианесущего крейсера «Варяг». В эксплуатацию введен новый военный порт в Циндао, предназначенный для авианосного флота, запущена программа создания авианосного флота силами национальной промышленности.

Уже сейчас Китай обладает крупнейшим в Азии флотом подводных лодок, надводных и десантных кораблей. По данным американского министерства обороны, ВМС НОАК включают 77 передовых надводных боевых кораблей, более 60 подводных лодок, 55 десантных кораблей и порядка 85 оснащенных ракетами кораблей других категорий [21]. В связи с обострением территориальных споров Китая с Филиппинами, Вьетнамом и Японией, последние годы отмечены ростом численности китайских кораблей, патрулирующих акватории Южно-Китайского, Восточно-Китайского и Желтого морей, а также расширением полевых аэродромов и военных укреплений Китая на спорных островах Спратли и Парасельских [22].

Расширение военного присутствия Китая в АТР достигается также путем получения доступа к азиатским аэропортам, взлетно-посадочным полосам, морским портам и пр. Формально сохраняя приверженность внешнеполитическому принципу отказа от размещения военных баз на территории других государств, Пекин, тем не менее, реализует стратегию наращивания опорных пунктов своих ВМС и ВВС в регионе. Оказывая экономическое и техническое содействие некоторым странам в строительстве и модернизации портов, аэропортов, военно-морских, военно-воздушных и радиолокационных баз, Пекин в ряде случаев получает возможность пользоваться ими.

Широкую известность получила т.н. стратегия «Нить жемчуга», заключающаяся в разверты-

вании сети китайских опорных пунктов от китайского острова Хайнань до пакистанского порта Гвадар в Индийском океане. «Нить» включает в себя порты Мьянмы, Бангладеш, Мальдив, Шри-Ланки, Сейшел и Пакистана [23]. В частности, Китай участвовал в строительстве мьянманских военно-морских баз на о-ве Хянгики и Больших Кокосовых о-вах, в модернизации базы ВМС на архипелаге Мергуи и взлетных полос аэропортов Мандалая и Пегу. На Больших Кокосовых о-вах китайцам была предоставлена возможность размещения радарной системы электронного слежения, что, в т.ч., позволяет им осуществлять мониторинг за морскими маневрами и прохождением судов через Малаккский пролив [24]. Китай содействовал Бангладеш в реконструкции порта Читтагонг (в частности, в строительстве терминала контейнерных перевозок) [25], а в настоящее время идет проработка участия в строительстве глубоководного порта на острове Сонадия.

Для США как государства, территориально не находящегося в Восточной Азии, задача получения доступа к азиатским военным базам имеет принципиальное значение. При этом в последнее десятилетие в военной стратегии США происходит постепенный отказ от имевшей место во времена холодной войны практики односторонней опоры на содержание дорогостоящих крупных постоянных военных баз за рубежом. Акцент в расширении военного присутствия теперь делается на т.н. гибком базировании (*flexible basing*), предполагающем рассредоточенное по всему АТР нахождение ограниченного американского воинского контингента на ротационной основе, а также периодическое использование военных баз иностранных государств для проведения отдельных военных (или спасательных) операций и учений.

Сейчас США располагают постоянными военными базами в Японии и Южной Корее, имеют

значительный воинский контингент на островах Гуам и Гавайских, пользуются доступом к тайской военно-воздушной базе Утапао, сингапурским базам ВВС Пайя Лебар, ВМС Чанги и порту Сембаван. В ноябре 2011 г. между США и Австралией была достигнута договоренность о размещении на севере Австралии в г. Дарвин американских морских пехотинцев и о расширении масштаба использования американцами военно-морских и военно-воздушных баз в Австралии (базы - ВВС Тиндал и ВМС Стёрлинг). Во исполнение этой договоренности уже в апреле 2012 г. в австралийский Дарвин прибыло 200 американских морских пехотинцев. В 2014 г. их численность возрастет до 1150 человек, а к 2016 г. - до 2500.

Не менее важными можно считать договоренность о размещении в Сингапуре на военно-морской базе Чанги четырех американских боевых кораблей прибрежной зоны, а также подписанное с Манилой в апреле 2014 г. 10-летнее соглашение, предусматривающее расширение присутствия американских военных на Филиппинах и, в частности, размещение там американских разведывательных самолетов и военных кораблей.

Помимо расширения масштаба присутствия вооруженных сил США и Китая в АТР, одним из проявлений американо-китайского соперничества стало увеличение частоты и размаха проводимых в регионе военных учений. Так, США интенсифицировали совместные военные маневры с широким спектром стран региона и, в особенности, с Японией, Южной Кореей, Таиландом и Малайзией. В начале декабря 2010 г. США и Япония провели крупнейшие за всю историю двусторонних отношений совместные учения. В восьмидневных совместных маневрах приняли участие 34 тыс. японских и 10 тыс. американских военнослужащих, 400 самолетов и 60 военных судов, в т.ч., стратегические бомбардировщики В-52 и авианосец *George*

Washington [26]. В августе 2010 г. состоялись первые в истории американо-вьетнамских отношений совместные учения ВМС двух стран.

Только в течение 2012 г. США провели целую серию совместных учений в Западной части Тихого океана под 17 кодовыми названиями. А в 2013 г. лишь за период с мая по август было проведено 7 совместных учений в Восточной Азии общей продолжительностью 64 дня. Даже в условиях сокращения оборонного бюджета американская администрация не рассматривает возможность снижения активности США на этом направлении. Напротив, разработан план расширения масштабов совместных учений в Азии, на что Пентагону выделены средств в размере \$100 млн [27].

Также значительно возросло число визитов американских военных кораблей в порты стран АТР. География весьма широка: Филиппины, Австралия, Таиланд, Сингапур, Индонезия, Япония, Малайзия, Южная Корея, Гонконг, Вьетнам. Небывалого масштаба с момента закрытия базы американских ВМС Субик-бей* в 1992 г. достигла интенсивность американских портовых визитов на Филиппины.

По некоторым данным, в 2012 г. состоялось не менее 200 визитов американских эсминцев, авианосцев и атомных подводных лодок в филиппинские порты [28]. Весьма велика частота заходов американских кораблей в порты Австралии. Только за три месяца, с июля по сентябрь 2013 г., было осуществлено не менее 18 визитов [29]. Вашингтону удалось достичь договоренности с Ханоем о портовых визитах американских военных кораблей (хотя был установлен лимит - один портовый визит в год).

* Субик-бей (англ. *Subic Bay*) - залив моря Лусон у берегов о-ва Лусон на Филиппинах в 100 км к северо-западу от Манилы. С 1898 по 1992 г. в Субик-бее располагалась американская военно-морская база (прим. ред.).

В августе 2011 г. произошло вызвавшее большой интерес мировой общественности событие - судно командования морских перевозок ВМС США впервые за предшествующие 38 лет посетило вьетнамскую военно-морскую базу Камрань.

Масштабы участия Китая в совместных военных учениях в АТР пока несопоставимы с американскими, поскольку учения с зарубежными партнерами китайская армия начала проводить только с 2002 г. Но уже в 2013 г. отмечалась резкая активизация этого направления оборонного сотрудничества Пекина с соседними странами.

Партнерами Китая в проведении совместных военных маневров в регионе сейчас выступают Россия, Таиланд, Индонезия, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур и Монголия. Хотя подавляющая часть совместных маневров проводится на суше, НОАК постепенно накапливает опыт взаимодействия со странами АТР и на море. Так, уже трижды - в 2012, 2013 и 2014 гг. - состоялись китайско-российские военно-морские учения «Морское взаимодействие», имели место и совместные маневры на море с Австралией и Таиландом [30].

Размах, интенсивность и сложность операционных задач, выполняемых во время проведения Китаем военно-морских учений, настолько возросли, что стали вызывать беспокойство как среди восточноазиатских государств, так и со стороны Вашингтона. Пристальное внимание Пентагона привлекли военно-морские учения Китая, проведенные летом 2012 г. и ставшие крупнейшими учениями ВМС за пределами «первой островной цепи» с выходом в Тихий океан [31]. Возросшие способности флота Китая преодолевать «первую островную цепь» и беспрепятственно выходить в Тихий океан были продемонстрированы в июле 2013 г., когда китайские корабли впервые в истории проплыли через расположенный между островами Са-

хагин и Хоккайдо пролив Лаперуза.

Тревогу со стороны Вашингтона вызывает не только рост операционных возможностей ВМС Китая, но и изменение подходов к действиям на море. Так, с 2012 г. Китай в нарушение отстаиваемого им принципа полного запрета навигации иностранных военных кораблей в исключительной экономической зоне прибрежного государства [32] стал проводить военные маневры в пределах исключительной экономической зоны США, а именно в районах островов Гуам и Гавайи [33]. Как было указано в комментарии старшего полковника НОАК Чжоу Бо в июне 2013 г., такие маневры являются ответом на продолжающиеся разведывательные операции американских ВМС в исключительной экономической зоне Китая [34].

Принимаемые Китаем меры по усилению своих военно-морских сил и наращиванию военного присутствия в акваториях морей Восточной Азии и в Тихом океане обусловлены стремлением реализовать две важнейшие задачи: стать сильной морской державой и защитить суверенитет и территориальную целостность государства.

Актуальность второй задачи возросла в последние несколько лет, когда в регионе разгорелась настоящая схватка по вопросам свободы навигации в акватории Южно-Китайского моря, а «тлевшие» на протяжении десятилетия с конца 1990-х гг. территориальные споры вокруг о-вов Парасельских, Спратли и Дяоюйдао вспыхнули с новой силой. Всплеску напряженности способствовали два фактора: усиление напористости Китая в утверждении своих прав на эти спорные территории и акватории, датируемое 2007-2008 гг., и изменившаяся с середины 2010 г. позиция Вашингтона в этих вопросах от дистанционирования к активному посредничеству.

Вмешательство Вашингтона в существующие территориальные

споры между Китаем и группой стран-членов АСЕАН в Южно-Китайском море и между Китаем и Японией в Восточно-Китайском море оказалось действенным методом реализации американской политики «возвращения в Азию». Вашингтону удалось найти «слабое место» в китайской стратегии «экономических пряников» и «улыбок» в отношении государств АТР.

Эксплуатируя существующие между Китаем и этими странами территориальные противоречия, США решают целый спектр задач: укрепляют отношения с вовлеченными в эти споры Филиппинами, Вьетнамом и Японией, расширяют поле взаимодействия с АСЕАН и сдерживают возрастающее региональное влияние Китая путем дискредитации Пекина. В связи с обострением территориальных противоречий, нанесен определенный ущерб положительному имиджу Китая, который он так тщательно выстраивал с помощью политики «мягкой силы». В ряде стран Восточной Азии была предпринята переоценка подходов к развитию военно-политических отношений с Вашингтоном в пользу преодоления частных противоречий и налаживания более тесного сотрудничества с США, способными выступить противовесом усиливающемуся Китаю.

Игра на существующих между азиатскими странами территориальных противоречиях или, как ее назвал авторитетный эксперт Китайского института международных исследований Лю Фэйтао, «передовой дипломатии» [35] США, привела к ужесточению позиций сторон, оспаривающих принадлежность островов и акваторий. В результате, с 2011 г. заметно увеличилось число различного рода инцидентов противостояния морских судов различных государств Восточной Азии в акваториях Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей.

Обеспокоенность стран региона за свою безопасность стала причиной увеличения их расхо-

дов на оборону. Форсированным укреплением своих вооруженных сил теперь заняты не только США и Китай, но и целый ряд стран и, в особенности те, которые вовлечены в территориальные споры.

Так, невзирая на достаточно сложную экономическую ситуацию, Филиппины приступили к модернизации своих вооруженных сил с акцентом на военно-морские, которые остаются одними из наиболее отсталых в регионе. В частности, в 2011 и 2013 гг. Филиппины получили от США два списанных американской Службой береговой охраны патрульных корабля класса *Hamilton* (корабли «Грегорио дель Пилар» и «Рамон Алкараз»). В 2013 г. президент Филиппин Б.Акино утвердила 5-летнюю программу модернизации ВС на сумму \$1,82 млрд.

Об остроте восприятия складывающейся ситуации в сфере безопасности в регионе свидетельствует решение Токио об увеличении оборонного бюджета на 2013 г. на \$1,15 млрд, ставшее первым случаем увеличения этой страной расходов на оборону за предшествовавшие 11 лет [36]. Более того, оборонный бюджет Японии на 2014 г. был увеличен еще на 2,8% от уровня 2013 г. [37]

Анализ данных СИПРИ* свидетельствует о том, что средние годовые показатели расходов на оборону стран АТР за два трехлетних периода - 2007-2009 гг. и 2010-2012 гг. - возросли следующим образом: у Индонезии и Китая - на 33 и 32%, соответственно, у Вьетнама и Монголии - на 22 и 21%, Индии и Камбоджи - на 16 и 12%, у Южной Кореи, Таиланда,

Австралии, Новой Зеландии и Филиппин - на 8,7, 7,5 и 5%, соответственно [38].

В целом, можно заключить, что отчетливо проявляющееся с 2009 г. военно-политическое соперничество США и Китая в АТР приводит к росту региональной напряженности. АТР, которому на протяжении предшествующих трех десятилетий удавалось сохранять относительно стабильную ситуацию в сфере безопасности, превратился в регион сосредоточения сразу нескольких очагов напряженности, каждый из которых сейчас находится в стадии обострения.

Между тем, выстраивая наиболее вероятный сценарий развития американо-китайского соперничества за влияние в АТР на средне- и долгосрочную перспективу, можно выделить следующие основные положения. В экономической плоскости Вашингтону достаточно трудно конкурировать с Китаем в рамках АТР: торгово-экономические связи стран региона с Китаем уже слишком тесны. Именно Китай является сегодня двигателем экономического роста и развития региона, заинтересованность стран АТР в развитии торгово-экономических контактов с Китаем высока.

Отсутствие американского президента на встрече лидеров АТЭС и Восточноазиатском саммите в октябре 2013 г. в очередной раз подчеркнуло контраст между непостоянством внимания к региону, демонстрируемым Вашингтоном с момента окончания холодной войны, и устойчивым интересом Пекина к развитию

разноплановых контактов со странами АТР.

Председатель КНР Си Цзиньпин и премьер Госсовета Ли Кэцян не только присутствовали на указанных саммитах, но и выдвинули ряд важных инициатив в области торговли и инфраструктурного развития региона. В частности, Си Цзиньпин предложил создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, а также обозначил намерение увеличить товарооборот с АСЕАН с текущего уровня на \$400 млрд, с тем, чтобы к 2020 г. он достиг уровня в \$1 трлн [39]. Более того, беспрецедентными стали выступления Си Цзиньпина перед парламентами Таиланда и Индонезии, в ходе которых, в частности, Пекин презентовал стратегическую концепцию Сообщества общей судьбы Китай-АСЕАН и проект создания Морского шелкового пути XXI века [40].

* * *

Есть все основания предполагать, что Вашингтон будет продолжать реализацию политики «возвращения в Азию» с опорой на традиционный для него путь - наращивание военно-политического присутствия, и подкреплять его линией на дискредитацию Китая среди азиатских государств. Проводимая США в АТР т.н. *hedge policy*, или «политика подстраховки» влияния Пекина в регионе путем формирования по границам КНР блока стран, связанных союзническими отношениями с США, может привести к росту напряженности в АТР.

* Стокгольмский институт исследования проблем мира (*Stockholm International Peace Research Institute*) - международный институт, который вот уже более 40 лет специализируется на исследовании проблем мира и вооруженных конфликтов, а также на анализе вопросов контроля над вооружениями и разоружениями. Издает ежегодники (ИМЭМО РАН осуществляет их перевод на русский язык), которые пользуются большим авторитетом среди военных экспертов (прим. ред.).

1. См.: Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М., 2008 (*Deich T.L. 2008. Afrika v strategii Kitaya. M., (in Russian)*); Лексютина Я.В. Китай: активный игрок на просторах Латинской Америки // Латинская Америка. 2012. № 8, с. 22-36 (*Leksyutina Ya.V. 2012. Kitay: aktivnyi igrok v Latinskoj Amerike // Latin America. № 8) (in Russian)*); Лексютина Я.В. Конкурирующая экспансия США и Китая в Тропической Африке // Политическая экспертиза: Политэкс. 2011. Т. 7, № 4, с. 110-126. (*Leksyutina Ya.V. 2011. Konkuriyushchaya ekspansiya SSHA i Kitaya v Tropicheskoy Afrike // Politicheskaya ekspertiza: Politeks. Vol. 11, № 4) (in Russian)*

2. Clinton H. America's Pacific Century. 10.11.2011 - <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/11/176999.htm>

3. Ibidem.

4. U.S.-China Joint Statement, 19.01.2011 - <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/us-china-joint-statement>

5. Masahiro Kawai, Ganeshan Wignaraja. Addressing the challenges of Asian FTAs // East Asia Forum, 10.06.2013 - <http://www.eastasiaforum.org/2013/06/10/addressing-policy-challenges-of-asian-ftas/>

6. Kurtenbach E. APEC nations pledge support for TPP // China Post, 15.11.2011 - <http://www.chinapost.com.tw/business/global-markets/2011/11/15/322959/APEC-nations.htm>

7. Представлены данные о численности населения и объема ВВП на 2012 г. Рассчитано по: World development indicators database, World Bank - <http://databank.worldbank.org/data/>

8. Joint declaration on the launch of negotiations for the Regional Comprehensive Economic Partnership. 20.11.2012 - <http://www.mfat.govt.nz/Trade-and-Economic-Relations/2-Trade-Relationships-and-Agreements/RCEP/joint-dec.php>

9. Рассчитано по: World development indicators database, World Bank...

10. Там же.

11. Там же.

12. Розов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 30.04.2013 - http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783&active_id_11=38#top

13. Подробнее о развитии американо-филиппинских связей при Б.Обаме см.: Цветков И.А. Укрепление американо-филиппинского и американо-австралийского союзов // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б.Обамы / Ред. Б.А.Ширяев, И.А.Цветков, Я.В.Лексютина. СПб, СПбГУ, 2012, с. 177-218.

14. Мамонов М. Возможна ли война между Америкой и Китаем // Международные процессы. Т. 10. № 2 (29). Май-август 2012 - <http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/14.htm>

15. Panetta L. Speech delivered at the Shangri-La Security Dialogue. 2.06.2012 - <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1681>

16. O'Rourke R. China naval modernization: implications for U.S. navy capabilities - background and issues for Congress. CRS report for Congress. 5.06.2014, p. 43.

17. Keck Z. U.S. Chief of naval operations: 11 littoral combat ships to Asia by 2022 // The Diplomat, 17.05.2013 - <http://thedi diplomat.com/flashpoints-blog/2013/05/17/u-s-chief-of-naval-operations-11-littoral-combat-ships-to-asia-by-2022/>

18. Так, 1 марта 2013 г. расходы Минобороны США были в одночасье сокращены на \$37 млрд, или на 8% в том финансовом году.

19. Remarks by Secretary Hagel at the IISS Asia Security Summit, Shangri-La Hotel, Singapore. 1.06.2013 - <http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=5251>

20. Расходы на оборону в бюджете Китая увеличатся на 12,2% в 2014 г. // Жэньминь жибао он-лайн, 05.03.2014 - <http://russian.people.com.cn/31521/8554674.html>

21. Military and security developments involving the People's Republic of China 2014, p. 7 - http://www.defense.gov/pubs/2014_DoD_China_Report.pdf

22. См. например: Philippines calls for construction freeze in South China Sea // Reuters, 16.06.2014 - <http://www.reuters.com/article/2014/06/16/us-philippines-southchinasea-idUSKBN0ER0LE20140616>; China builds more Spratly outposts // PhilStar, 24.05.2011 - <http://www.philstar.com/headlines/688856/china-builds-more-spratly-outposts>

23. Kaplan D. Monsoon: The Indian Ocean and the future of American power. N.Y.: Random House Publishing Group, 2011, p. 10-11.

24. Лебедева Н.Б. Большой Индийский океан и китайская стратегия «нить жемчуга» // Азия и Африка сегодня. 2011, № 9, с. 9. (Lebedeva N.B. 2011. Bolshoi Indiysskiy okean i

kitayskaya strategiya "nit zhemchuga" // Azia i Afrika segodnya. № 9) (in Russian)

25. Хотя Пекин и Дакка настаивают на исключительно коммерческом использовании этого порта Китаем, тем не менее, уже дважды - в 2010 г. и в августе 2013 г. - плавучий госпиталь «Мирный ковчег» ВМС НОАК наносил туда визит.

26. Годовой обзор: отношения внутри АТР осложняются из-за ускорения «возвращения в Азию» США - заведующий Азиатско-Тихоокеанским бюро агентства Синьхуа // Жэньминь жибао он-лайн, 28.12.2010 - <http://russian.people.com.cn/31520/7244111.html>

27. Remarks by Secretary Hagel...

28. Oliveros B. Too many questions surrounding US Navy ships' port calls. 8.02.2013 - <http://bulatlat.com/main/2013/02/08/too-many-questions-surrounding-us-navy-ships-port-calls/>

29. Рассчитано по информации: Commander naval surface force, U.S. Pacific fleet - <http://www.public.navy.mil/surfor/Pages/home.aspx>

30. По данным Пентагона, в 2011 г. и 2012 г. Китай также проводил совместно с Вьетнамом военно-морские учения (поисково-спасательные). См.: Military and security developments..., p. 73.

31. Statement of Admiral Samuel J. Locklear, U.S. Navy Commander, U.S. Pacific Command before House Armed Forces Committee on U.S. Pacific Command posture, p. 7. 5.03.2013 - <http://www.pacom.mil/documents/pdf/20130305-hasc-adm-locklear-posture-statement.pdf>

32. В частности, Пекин систематически выражает протесты относительно появления американских разведывательных судов в пределах исключительной экономической зоны Китая, обвиняя Вашингтон в нарушении международного и китайского национального законодательства в области морского права.

33. Military and security developments..., p. 39.

34. Ten Kate D. China spurns arbitration as U.S. joins Japan on sea stance // Bloomberg, 3.06.2013 - <http://www.bloomberg.com/news/2013-06-02/china-spurns-sea-claim-arbitration-pushed-by-u-s-and-allies.html>

35. Liu Feitao. Obama's rebalancing to the Asia Pacific. 4.09.2013 - http://www.csis.org/csis/english/2013-09/04/content_6272923.htm

36. Defense of Japan 2013, p. 1 - http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2013/28_Part2_Chapter2_Sec4.pdf

37. Liu Yunlong. Japan increases military expansion for next year // Global Times, 26.12.2013 - <http://www.globaltimes.cn/content/834200.shtml>

38. SIPRI Military Expenditure Database - http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database

39. Phuong Nguyen. China's Charm Offensive Signals a New Strategic Era in Southeast Asia. 17.10.2013 - <http://csis.org/publication/chinas-charm-offensive-signals-new-strategic-era-southeast-asia>

40. Тем самым Китай объявил о начале реализации сразу двух новых интеграционных процессов: объединить усилия и создать «экономический пояс Великого шелкового пути», сделав поддерживаемые между евро-азиатскими странами экономические связи более тесными.

В основе стратегической концепции Сообщества общей судьбы Китай-АСЕАН лежат следующие три пункта: «придерживаться принципа доверия и стремиться к добрососедству; придерживаться принципа «жить душа в душу»; придерживаться принципа открытости и толерантности».

Китай и ранее проводил активную внешнюю политику в АТР, следуя при этом завету Дэн Сяопина - «избегать солнечного света, скрывать намерения в тени». Означает ли это, что нынешнее поколение китайских лидеров несколько переосмыслили и отошли от прошлой стратегии отца-реформатора? (Прим. ред.).